

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Белорусский государственный
педагогический университет имени М. Танка»

Исторический факультет

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Исторический факультет

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сборник научных статей и материалов

Псков 2018

УДК 811.11-112(045):94(430)(045)
ББК 80.4-03я431+63.3(4Гем)я431
И90

Авторы идеи и составители: декан исторического факультета БГПУ имени М. Танка, кандидат исторических наук, доцент **А.В. Касович**; декан исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук, профессор **В.А. Космач**; заведующий кафедрой истории Беларуси и славянских народов БГПУ имени М. Танка, кандидат исторических наук, доцент **А.Ф. Великий**; доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ имени М. Танка, кандидат исторических наук, доцент **И.И. Ковяко**

**Историческая германистика: актуальные проблемы
И90 современных исследований** : сб. научных статей и материалов / сост.: А.В. Касович, В.А. Космач, А.Ф. Великий, И.И. Ковяко. – Псков: ООО «ЛОГОС», 2018. – 398 с.

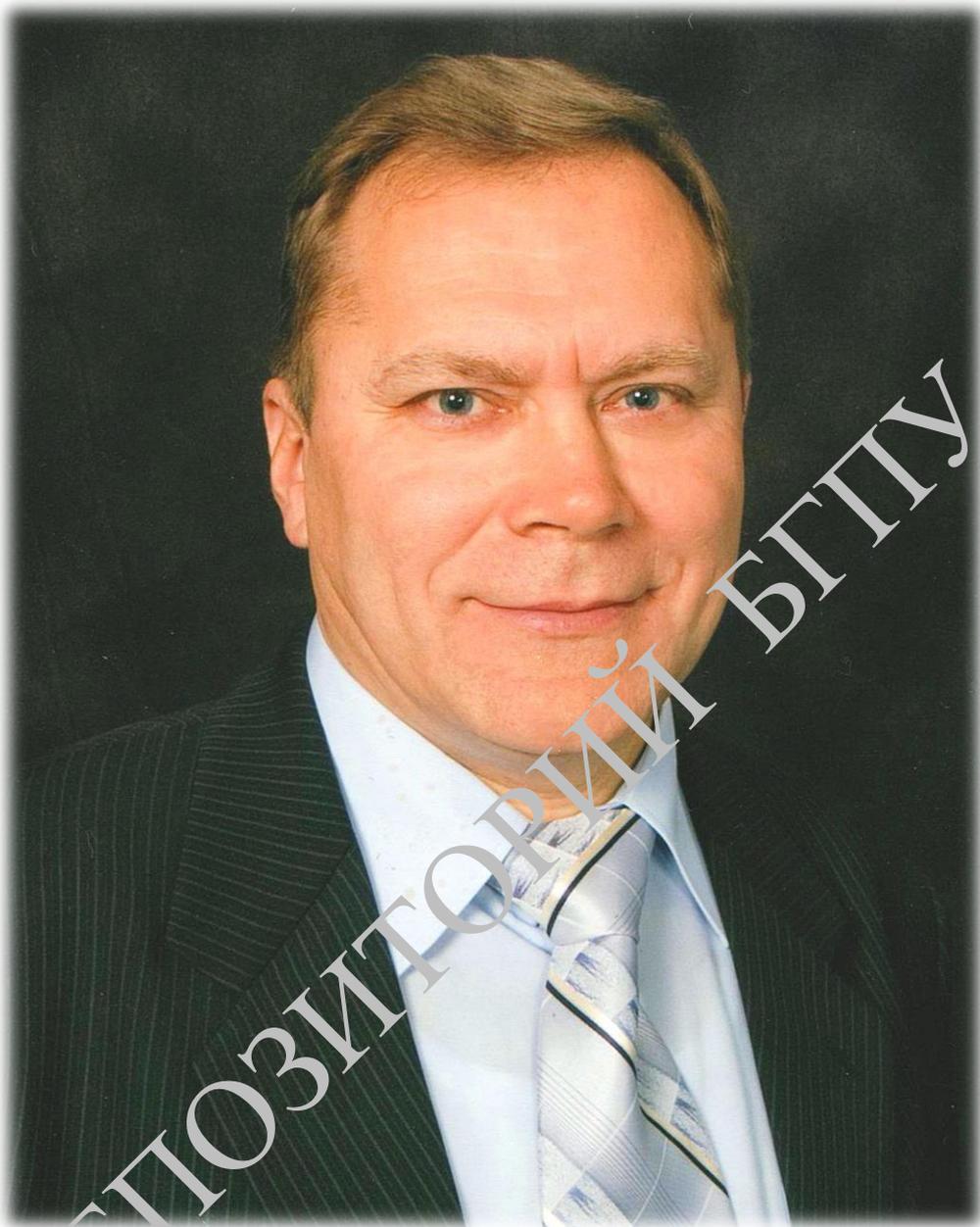
ISBN

Сборник составлен по материалам Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Г.А. Космача и в связи с 65-летием со дня его рождения (1953–2016 гг.), проходившей 21–22 июня 2018 г. в БГПУ имени М. Танка (г. Минск).

УДК 811.11-112(045):94(430)(045)
ББК 80.4-03я431+63.3(4Гем)я431

ISBN

© БГПУ, 2018
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

КОСМАЧ ГЕННАДИЙ АРКАДЬЕВИЧ
(1953–2016 гг.)

23. Пистолет-пулемёт Судаева — Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/.../Пистолет-пулемёт_Судаева. – Дата доступа: 17.02.2018.
24. ПТРД — Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ПТРД_Дегтярёв. – Дата доступа: 18.02.2018.
25. ПТРС — Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ПТРС>. – Дата доступа: 16.02.2018.
26. Великая Отечественная война: битва экономик Германии и СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/society/.../17.../1263591-war-0/>. – Дата доступа: 15.01.2018.

ОТ ТРИУМФА К КАТАСТРОФЕ: НЕМЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА 1871–1945 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

О.Г. Субботина, г. Минск

Статья посвящена ретроспективному анализу рамочных условий, целей и методов внешней политики Германии в 1871–1945 гг. Проанализированы основные вехи ее реализации, выявлена степень соотношения в ней континуитета и дисконтинуитета, исторических традиций и геополитических факторов. В поле зрения автора находятся такие понятия, как «имперская идея», «особый путь», «силовая политика», мультилатерализм и др. Пристальное внимание уделено проблеме социальной рефлексии немецкой внешней политики.

Ключевые слова: Германия, рейх, внешняя политика, международные отношения, континуитет, экспансия, ревизия, колониализм, империализм, силовая политика, мультилатеральный, унилатеральный.

С момента образования национального государства в 1871 г. внешняя политика Германии демонстрировала отчетливые линии преемственности, соединяющие воедино разные исторические эпохи. Все, начиная с О. фон Бисмарка и заканчивая А. Гитлером, действовали в традиции «особого пути», но с той лишь разницей, что первый желал сделать Германский рейх «лидером среди равных», а последний, апеллируя к догмам о «народном сообществе» и «жизненном пространстве», противопоставил его цивилизованному миру.

Германия, чья внешняя политика на протяжении 1871–1945 гг. подчинялась объективной неизбежности, не переставала грезить химерой о мировом господстве. «Незавершенному» национальному государству невнятное название «Германский рейх» придало «неопределенную ориентацию на широту без четких контуров», тогда как форма и сущность оставались неясными. Предпочтение «незавершенного завершеному и замена временного безграничным» стали ореолом, окружавшим Германию на стадии объединения. Универсализм имперской идеи, что характерно, выводился из ее сакральной сущности, а не «пространственно-политических функций» [8, S. 1015-1018]. Речь шла ни больше ни мень-

ше о «европейской, наднациональной универсальной претензии средневековой Священной Римской империи немецкой нации» [6, S. 16].

Современное индустриальное общество, в которое стремительно превращалась Германия, не имело, по существу, ничего общего с традиционным обликом досовременного рейха. В сочетании национального государства и имперской идеи было заложено нечто «дерзновенное и тщеславное», приведшее в движение немцев и обеспокоившее европейцев. Нести бремя незавершенного национального государства, как метко подметил Клаус Хильдебранд, казалось проще с мечтой о старом рейхе, который в своем новом обликии – между реальностью и видением – стал травмой для соседей» [8, S. 1018-1019].

Все началось с «реальной политики» (*Realpolitik*) Отто фон Бисмарка, призванной обуздать французский ревизионизм и упрочить положение молодой нации. Германии явно не хватало политического веса и влияния, чтобы оставаться самодостаточной. Она зависела от других государств и в своем стремлении к автономным действиям наталкивалась на их перманентное сопротивление. Такие категории, как территориальная экспансия, гегемония и мировое господство таили в себе угрозу, о чем неоднократно предупреждал Бисмарк. Поэтому в попытке сохранить монархические институты и предотвратить анархию канцлер настоятельно советовал кайзеру избегать войны [5, S. 100]. Первоначально рейх, как восходящая великая держава и европейский «полугегемон», был заинтересован в «рестабиллизации» отношений на континенте, гарантирующих длительное спокойствие и стабильность и, вдобавок ко всему, не обладал энергией для агрессивных действий на международной арене, предпочитая экспериментировать с политикой равновесия [9, S. 430; 2, S. 735].

К моменту, когда Германии существенно укрепила позиции в Европе (начало 1880-х гг.), хитроумная система Бисмарка утратила «прозрачность» и оказалась весьма запутанной. Новым элементом немецкой внешней политики и одновременно ее дестабилизирующим фактором стал колониализм.

Бисмарк скептически относился к колониальной политике. Его слова в адрес «энтузиастов-колониалистов» общеизвестны: «Ваша карта Африки, конечно, прекрасна, но моя карта Африки – в Европе».¹ Тем не менее, в среде консервативных сил, стоявших за канцлером, колониальная риторика становилась день ото дня все популярнее. Перспектива превращения Германии в колониальную империю пьянила немецкое общество, движимое не столько экономической выгодой, сколько чувством патриотизма. Наконец, колониальную политику одобрил кайзер, видя в ней гораздо больше выгод, нежели рисков. И Бисмарк уступил.

¹ Эти слова Отто Бисмарк произнес во время встречи в декабре 1888 г. с исследователем Африки Ойгеном Вольфом, который просил его направить экспедицию в экваториальную провинцию Египта.

Правда, сделал он это в свойственной для себя манере. Политике «социального империализма»² он отводил роль поддерживающего и укрепляющего систему компонента, способного вызвать новую волну национального подъема и привести к социальному равновесию.

Немецкие правящие круги и интеллектуалы восторженно и ревностно поглядывали в сторону могущественной Великобритании. Они безоговорочно верили в немецкую культурную миссию, и в их взглядах уже просматривались ростки социал-дарвинистского мышления. На эмоциональном уровне соединились воедино «страхи, чувство силы, потребность в самоутверждении и престиже». Умеренные цели первых лет вскоре дополнились требованием защиты немецких интересов за океаном путем создания зон влияния – «Германской Индии» в Восточной Африке и «Германской Явы» в Новой Гвинее [9, S. 447-448].

Поворотным моментом стал 1890 г. Если говорить о сущности немецкой внешней политики, то на смену эпитетам «действительная, маневренная и эффективная» пришли «неуклюжая, грубая, эгоистичная и необузданная» [9, S. 469; 5, S. 224; 2, S. 736]. Скорректировав представление об основополагающей государственной идее, приемники Бисмарка осознанно пошли на обострение ситуации. Немецкий национализм приобретал все более яркие оттенки колониализма и империализма. Такой стиль был принят с восторгом, причем не только финансовыми и торговыми кругами, патриотическими объединениями наподобие Колониального общества (1897), Германского флотского союза (1898) или Пангерманского союза (1891), но и рядовыми гражданами, восхищенными мыслями о величии родины. Среди представителей прогрессивного либерального империализма находились столь знаменательные фигуры, как Макс Вебер и Фридрих Науман.

«Сбросив оковы с силовой политики», Германия изменила тактику и обозначила новые цели, черпая поддержку не только в среде либеральных и консервативных сил, но и значительной части населения, иллюзии которого, никем «неотфильтрованные, неопределенные и неограниченные в своих желаниях и деталях, с каждым годом становились все более звучными, иррациональными и радикальными» [9, S. 621, 648]. Если в 1870-е – 1880-е гг. определяющим фактором немецкой внешней политики были колониализм и национализм, то в 1890-е гг. – империализм. Во многом это произошло ввиду фундаментальной политизации общества и растущего влияния на него немецкой прессы. Таким образом, ожидания народа совпали с интересами крупного капитала: и те и другие страстно желали превращения рейха из европейской державы в мировую.

² Понятие ввел немецкий историк Г.-У. Велер. Его теория империализма, призванная описать и обосновать поведение великих индустриальных держав в XIX в., подчеркивает примат внешней политики, за счет которой решались политические и социальные проблемы внутри страны. Таким образом, колонии выступали в роли потенциальных рынков сбыта товаров и мест эмиграции избыточного населения.

Германия напряженно искала альтернативу западным ценностным ориентирам, и на этом пути роковым образом смешивались специфические для интеллигенции идеи национального предназначения, агрессивная официальная идеология и готовность к миссионерству [11, S. 17-18]. Концепция Бисмарка больше не функционировала в силу специфики отношений между великими державами, выходящих за пределы континента. По существу, европейская политика толкала немцев в лоно мировой [9, S. 631]. Сделав ее своей «вотчиной», Б. фон Бюлов и А. фон Тирпиц действовали агрессивно и энергично, с уверенностью, что Германия «обретет престиж, власть, материальные выгоды, публичный восторг и социальный мир» [5, S. 226]. Интегральной частью внешнеполитической доктрины являлась масштабная программа по строительству морского флота.

Уже первые решения в рамках «нового курса» оказались фатальными для международных отношений в целом и Германии в частности. Договор перестраховки с Россией не был пролонгирован. В том же 1890 г. Германский рейх разграничил с Англией сферы влияния в Восточной и Юго-Западной Африке, однако преодолеть потенциальный антагонизм так и не сумел. Он, как считает историк Т. Ниппердаи, мог перейти в стадию отношений «младшего партнера» или же «конкуренционное сосуществование», но страна упорно не желала оставаться в тени Великобритании, Франции и России [9, S. 631]. В итоге узкий круг акторов, принимающих решения, стал заложником собственной «международной риторики» и амбиций. Призыв «не стимулировать тщеславие нации и не поддаваться амбициям правительства», с которыми выступил Бисмарк в 1897 г., никто не услышал [2, S. 736]. Рейх реально оценивал свою силу и жаждал ее использовать, поэтому «с головой окунулся» в мечту о «мировой политике», нажив влиятельных противников в лице европейских держав.

Отчаянное стремление изменить мировой порядок повлекло за собой растущее пренебрежение международным правом. На авансцену вышла «политика свободных рук», отодвигавшая дипломатические возможности на второй план. Германия стремилась к положению, когда великие державы будут зависеть от ее доброй воли и добиваться благосклонности. Уже на Гаагской конференции 1907 г. она наглядно продемонстрировала, что престиж и политическое влияние важнее, нежели проблема разоружения, международная кооперация и мультилатерализм [7, S. 27].

Внешняя агрессия подпитывалась внутренним прогрессом индустриального общества со столь характерными для него факторами, как рост населения, экономический подъем и мобильность. Если до середины XIX в. Германия содействовала стабильности континента, то теперь решительным образом «вмешалась» в ход европейской истории, пришла в состояние «перманентного беспокойства и агрессивной раздражительности» [10, S. 284]. Миф о сакральном рейхе провоцировал ее на рискованные шаги. На доминирующие позиции вышел ревизионизм, существ-

венно влиявший на выбор стратегии и тактики. Речь шла или о приобретении все еще свободных территорий, или о перераспределении существующих колоний и сфер влияния.

Несомненно, Германский рейх был заинтересован в провоцировании кризисных ситуаций, позволявших направлять события в выгодное русло. Его правящие элиты полагали, что противоречия между великими державами дают стране карт-бланш и гарантируют роль своеобразного арбитра. Это был опасный просчет. «Тщеславная, напирющая и недовольная Германия» стала в итоге катализатором выхода Англии из состояния «блестящей изоляции» (*Splendid isolation*) и формирования Антанты [2, S. 736]. Критики видели в этом обременительное продолжение прусской властной традиции, с чем можно согласиться. Во всяком случае, страна уже не обретет внутреннего покоя вплоть до своего краха в 1945 г. Движимая иллюзией «свободных рук», ревизионистскими намерениями и унилатеральной скачкообразной политикой, Германия, играя на антагонизмах между великими державами, внесла дисбаланс в международные отношения и в итоге переоценила свою способность заниматься мировой политикой автономно, то есть «без партнерства, причем на правах младшего партнера» [9, S. 662-663].

В силу перечисленных выше причин рейх, утративший доверие потенциальных союзников, способствовал воспламенению горючей смеси из «европейского национализма многонациональных государств и международного политического соперничества» [7, S. 27]. Находясь в кольце врагов, он намеревался раз и навсегда добиться гегемонии с помощью военной силы и сделать это убедительно. С победоносным миром немецкий истеблишмент связывал новый порядок в рамках европейской и глобальной системы государств, действующей в интересах собственной нации.

Для сторонников «идей 1914 г.»³ речь шла о безоговорочном оправдании войны как средства защиты отечества от безудержного либерализма и вулгарной демократии Запада, о праве Германской империи на «особый путь». В основе такого рода измышлений лежало глубоко укоренившееся отвращение интеллигенции к капиталистическому классовому обществу с его непрерывными кризиса и рецессиям в экономике, социальным напряжением и конфликтами, борьбой за эмансипацию, конкурирующими мировоззрениями. Ему противопоставлялось сплоченное, бесконфликтное и гармоничное «народное сообщество». Ведомое компетентной бюрократией и прусско-германской военной монархией, оно

³Выражение «Идеи 1914 г.» описывает публицистическую реакцию патриотически настроенных интеллектуалов Германии на начало мировой войны. В дальнейшем на этой почве возникли национально-политические смысловые интерпретации и перспективные проекты, в рамках которых были представлены умозрительные картины политических преобразований в Германии, направленных против идеалов Великой французской революции. Причем на первый план выдвигались обтекаемые антилиберальные, антидемократические и корпоративистские концепции государства

«должно было восстать из пламени войны как птица феникс и обеспечить Германии превосходство над западными конкурентами» [11, S. 18].

В различных вариациях повторялась «псевдотеологическая догма» о необходимости принять и поддержать войну как источник морального обновления и нравственной силы [11, S. 24]. Вот как описывает настроения в немецком социуме накануне августа 1914 г. правовед Михаэль Штолляйс: Требовалось «найти хоть какой-то выход из этой рутины, какое-то спасение от чувства отвращения к цивилизации и скуки, снять международную напряженность. То, что впоследствии начало войны воспринималось как спасительный удар молнией, подтверждает иррациональность подобных ожиданий» [1, с. 70].

К 1914 г. германский национализм поднялся до уровня экстремальной идеологии. Война, как отмечает Г.-У. Велер, открыла «новые мыслительные горизонты, выплеснула новую энергию и иллюзии, дала волю новым надеждам и страхам, которые вели к появлению новых целей. Безудержный экспансионизм и радикально-националистический триумфализм слились» воедино с отдаленной целью социально-политической стабилизации системы и предотвращения реформ» [11, S. 27, 30]. И чем дольше длилась война, превращаясь в тотальную, тем более радикальными становились планы и их решения. С одной стороны мы наблюдаем преемственность экспансионистских целей, возникших задолго до 1914 г., с другой – принципиально новые, пугающие перспективы немецкого внешнеполитического мышления.

В конечном счете Первая мировая война продемонстрировала одновременно силу и слабость Германии. Неготовая и неспособная вписаться в существующую систему международных отношений, страна, несмотря на высокий финансово-экономический потенциал, располагала ограниченными ресурсами для установления гегемонии в Европе. И в этом заключалась дилемма ее внешней политики.

Поражение в войне не стало фатальным для национального государства. Оно встало в силу целого ряда причин. Этому содействовали геополитические изменения и чувство патриотизма, овладевшее обществом. Безусловно, итоги войны изменили рамочные условия немецкой внешней политики, но все же сохранили в ее арсенале присущие традиционной *Realpolitik* целевые установки и методы. Правительство и население республики сходились в желании сбросить «оковы Версаля», вернуть страну в ранг великой европейской державы, и это, пожалуй, было «единственным элементом, сдерживающим внутривнутриполитическое напряжение тех лет» [7, S. 27].

В годы Веймарской республики тайная дипломатия вкупе с иными унилатеральными приемами сохраняла актуальность, тогда как политика взаимопонимания, сотрудничества и мультилатерализма не находила заметного отклика в среде правящей элиты (да и общества) вплоть до

1924 г. Лишь с началом периода относительной стабилизации рейх совершил стратегический поворот в сторону взаимопонимания (*Verständigungspolitik*). На этот раз добиваться ревизии он решил посредством кооперации и сотрудничества со странами Запада, попутно мобилизуя немцев зарубежья (Австрия, Чехословакия, Польша, Балканы). «Сотканная из противоречий, современная и в чем-то реакционная» внешняя политика республики не упускала из виду и «великогерманское решение» в форме аншлюса Австрии [8, S. 1037].

В поисках новой легитимации на международной арене Германия, подверженная модернизационному кризису, отягощенная деяниями прошлого и современными вызовами, отказывалась однозначно выбирать между Востоком и Западом. Послевоенное унижение Антантой и разочарование республикой лишь усиливали традиционное самосознание немцев, способствовали обращению к духовно-историческому наследию прусско-германской государственной идеи. Черпая источник самобытности и независимости во внутренних ресурсах, Германский рейх все еще оставался великой державой, отдавая себе отчет в том, что его политического и экономического веса вполне достаточно, чтобы нарушить хрупкий баланс в Европе.

В то время как внутренняя модель государственной политики ориентировалась на парламентскую платформу стран Запада, внешняя была нацелена на национально-политическую ревизию, стало быть, против Англии и Франции, выступавших гарантами версальской системы и навязанных стране парламентско-демократических ценностей. В «эру Штреземана», чему содействовал период относительной стабилизации, данный антагонизм не выходил за пределы разумного. Развивая сотрудничество со странами Запада и СССР, Германия старалась использовать экономический фактор в национальных интересах, видела себя интегральной составной частью более сложной системы, пыталась переориентироваться на мультилатерализм, принять международное право, наладить тесные контакты с партнерами, признать международный арбитраж [7, S. 28]. Иными словами, Штреземан считал безрассудством ведение внешней политики с идеологических позиций. Он намеревался реализовать (велико)германские цели с помощью Европы, а не в противовес ей: этаблировать национальное государство как политическую и экономическую великую державу, границы которой простирались бы далеко за пределы установленных в 1919 г.

Результатом гибких действий внешнеполитического ведомства во второй половине 1920-х гг. стала высокая степень автономии рейха на международной арене и осязаемый прогресс в деле снятия наложенных на него ограничений. К сожалению, курс «на взаимопонимание» был недолгим и непоследовательным. Ни Штреземан, ни его соратники не рассматривали интеграцию как альтернативу ревизии. Для преодоления немецкого национализма требовался политический консенсус внутри

страны, а таковой отсутствовал. В этом смысле мультилатеральная договорная политика 1920-х гг. была ничем иным, как средством достижения известных с конца XIX в. целей.

Сомнения относительно эффективности кооперации со странами Запада и мультилатерального сотрудничества усилил мировой экономический кризис. То, что смерть Штресемана и начало МЭК совпали, имело, по мнению К.-Д. Брахера, символическое значение [4, S. 392]. Несоответствие между внешней и внутренней парадигмами нарастало. Рейх менял ориентиры и вполне прогнозируемо вернулся к унилатеральной традиции. Действуя в угоду общественному мнению, руководство Германии пыталось решить внутривнутриполитические проблемы за счет дипломатического триумфа, требуя уступок от союзников и угрожая им, в противном случае, выходом из Лиги Наций и бойкотом плана Юнга. Такого рода изменения стали предвестником бескомпромиссной политики нацистского режима, проповедующего безудержный ревизионизм.

В представлении национал-социалистов государство обладало функциональным характером, а рейх являлся сердцевинной (*Kernland*) и фундаментом Великогерманской империи, инструментом реализации ее экспансионистских и расистских устремлений. «Программа» Гитлера, основанная на элементах внешнеполитического континуитета и дисконтинуитета, жестко противостояла мировому правопорядку с его либерально-демократическими ценностями и всякого рода «интернационалистским и пацифистским идеологиям». Речь шла о том, чтобы «обнаружить и разоблачить политический, исторический, идеологический фон западноевропейского и англосаксонского международного права, а также предоставить германской внешней политике в ее борьбе за свободу и величие немецкого народа международно-правовое орудие, найти новые формы, новые резервуары для свежих политических идей и творений» [1, с. 582-583].

В своих действиях Третий рейх, где внешнеполитическому ведомству отводилась техническая роль, все дальше уходил от европейской традиции международных отношений. На место классовой борьбы пришло «тотальное единение нации и ее экспансивная динамика наружу». Мысля в духе «имперской идеи», лидер нацистов вульгарно ее интерпретировал и поставил на службу собственным интересам. В этом он видел решение всех экономических и социальных проблем, связанных с развитием современного массового общества. «Евангелием Гитлера, – пишет Велер, – была успешная большая война» [11, S. 842; 6, S. 270-271]. Поэтому вопрос стоял остро: Или Германия будет великой мировой державой, или перестанет существовать [3, S. 36; 12, S. 868].

В глазах Гитлера Версальская система и Лига Наций представлялись «камуфляжем насилия группы стран-победительниц» [1, с. 577]. Он решил раз и навсегда покончить с любого рода коллективными соглашениями в сфере безопасности, предпочитая билатеральные контакты. Шаг за шагом фюрер шел к неограниченной свободе рук, к тотальной ревизии и, наконец,

к беззастенчивой претензии на европейскую гегемонию [4, S. 402]. Ориентированное против «Версаля» и «Женевы» национальное мышление аргументировало отныне с помощью политико-этических апелляций к «чести государств» и праву народов на самоопределение, к равноправию и невмешательству, к уважению государственных прав национальных меньшинств, а также со ссылкой на *clausulare bussicstantibus*⁴. Атаке подверглось различие между захватнической войной, объявленной международным сообществом вне закона (пакт Бриана-Келлога 1928 г.), и справедливой оборонительной войной. Наконец, всю свою брзантность показало фёлькишеское обоснование международного права: «для народа, который в борьбе отстаивал право на жизнь, агрессивная война одновременно являлась справедливой войной» [1, с. 581].

В известной с XIX в. комбинации «нация – рейх» первый элемент трансформировался в «расу». «Коренной народ» в системе «фёлькишеского землеустройства» был вправе действовать империалистическим образом, включить в состав империи все родственные в расовом отношении народы, осуществлять интервенцию в другие государства в собственных интересах. При этом он являлся доминантом, желающим владеть своим «большим пространством» и обезопасить его во внешнем контуре с помощью международного права. Как следствие, Германия требовала свободы действий в Восточной и Юго-Восточной Европе, а также в направлении Скандинавии и Швейцарии⁵ [1, с. 589].

Взгляд на общество с расовых позиций предполагал безысторичность Великогерманского рейха. Его претворение в жизнь, начавшееся в 1938 г. с аншлюса Австрии и раздела Чехословакии, искусственно привязывалось к историческим традициям. С заветом предков, как и их современными проекциями XIX и начала XX в., оно имело мало общего, и в итоге особый путь Германии вылился в катастрофу. В данном случае едва ли уместны параллели с прусско-германской традицией. Речь идет скорее о *suigeneris*⁶ применительно к персоне Адольфа Гитлера, который желал все завоевать или ничего не породить [8, S. 1044]. Со временем то, что начиналось в духе реальной политики и борьбы с Версалем, переросло в преступление. Ультранациональные тенденции в немецком обществе позволили лидеру нацистов «в невиданном масштабе превзойти и извратить немецкий национализм» [8, S. 1045-1046]. Немалую долю ответственности за это несут политические репрезентанты кайзеровской Германии и внешние силы, содействовавшие приходу к власти нацистов и реализации ими экспансионистского курса.

⁴ Юридический термин (с лат.): *оговорка о неизменных обстоятельствах* (т. е. договор сохраняет силу, если не изменятся обстоятельства, при которых он заключён)

⁵ Подобный ход мыслей содержался уже в Мюнхенском соглашении 1938 г.

⁶ *своеобразный, единственный в своём роде* (с лат.)

Очевидно, что непростое геополитическое положение, помноженное на глорификацию немецкого национального государства и его чрезмерные амбиции, обусловило перманентный поиск Германией эффективных стратегий и тактик поведения на международной арене. Этим объяснялся скачкообразный характер ее политики, демонстрирующей на протяжении 1871–1945 гг. как оборонительные, так и наступательные черты, ревизионизм и экспансионизм. В поисках своей идентичности рейх тайно или явно, прямо или косвенно, осторожно или вызывающе шел к реализации поставленных целей. Независимо от акторов внешнеполитического процесса, они в той или иной степени укладывались в канву «особого пути» и «великогерманской идеи».

Литература:

1. Штолляйс, М. История публичного права в Германии : Веймарская республика и национал-социализм / М. Штолляйс ; [пер. с нем. О. Г. Субботина]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 663 с.
2. Barraclough, G. Das europäische Gleichgewicht und der neue Imperialismus / G. Barraclough // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte : 10 Bde.; Hrsg. von G. Mann. – Bd. 8 : Das neunzehnte Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 703–739.
3. Bloch, Ch. Das Dritte Reich und die Welt : die deutsche Außenpolitik 1933–1945 / Ch. Bloch ; [Aus dem Franz. übertr. von K.H. Sieber]. – Paderborn (u.a.) : Ferdinand Schöningh, 1992. – 445 S.
4. Bracher, K. D. Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg / K. D. Bracher // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte : 10 Bde.; Hrsg. von G. Mann. – Bd. 9 : Das zwanzigste Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 389–458.
5. Graig, G. A. Deutsche Geschichte 1866–1945 : vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches / G. A. Graig ; [Aus dem Engl. übers. von W. Kaiser]. – München : C. H. Beck, 1996. – 806 S.
6. Haffner, S. Von Bismarck zu Hitler : Ein Rückblick / S. Haffner. – München : Knauer, 2001. – 336 S.
7. Hellmann, G. Deutsche Außenpolitik in historischer und systematischer Perspektive / G. Hellmann, R. Wolf, S. Schmidt / Handbuch zur deutschen Außenpolitik; Hrsg. von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – S. 15–46.
8. Hildebrand, K. Das vergangene Reich : deutsche Außenpolitik von Bismarck zu Hitler / K. Hildebrand. – Berlin : Ullstein, 1999. – 1280 S.
9. Nipperdey, Th. Deutsche Geschichte 1866 – 1918 : 2 Bde. / Th. Nipperdey ; Bd. II : Machtstaat vor der Demokratie. – München : C. H. Beck, 1998. – 948 S.
10. Radkau, J. Nationalismus und Nervosität / J. Radkau // Kulturgeschichte heute; Hrsg. von W. Hardtwig und H.-U. Wehler. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. – S. 284–315.
11. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte : 4 Bde. / H.-U. Wehler; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914 – 1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
12. Winkler, H.A. Geschichte des Westens : Die Zeit der Weltkriege 1914–1945 / H. A. Winkler. – 2., überarb. Aufl. – München : C. H. Beck, 2015. – 1350 S.